

КРИСТИНЪ

Крестинъ.

Война съ Россіей въ 1812 году и отступленіе отъ Москвы, стоившіе Франціи столько крови, не помѣшали французамъ довѣрить Наполеону еще безчисленную армію, погибшую въ 1813 году. Наконецъ, ему до послѣдней минуты предоставляютъ право организовывать національную гвардію, забирать сокровища, не смѣя даже поморщиться; и если бы онъ былъ въ Парижѣ при его защитѣ, Парижъ защищался бы до послѣдней крайности. По счастью, онъ оказался отрѣзаннымъ отъ своей столицы и послѣ битвы подъ Монмартромъ, Парижане убѣдились, что силы союзниковъ были слишкомъ велики, чтобы бояться Корсиканца. Тогда они храбро обрушили свой гнѣвъ на пораженнаго непріятели, передъ которымъ дрожали 24 часа тому назадъ. Никакіе подвиги не свидѣтельствовали о ихъ удрученности и о желаніи сбросить съ себя иго; это были низкіе рабы, которые благодаря снисходительному обхожденію съ ними союзниковъ, на другой же день, стали дерзкими въ тѣхъ оскорбительныхъ статьяхъ конституціи, которые они смѣютъ предписывать своему законному королю.

По моему эта конституція оскорбительна даже для союзныхъ монарховъ, и съ ихъ стороны большая неосторожность позволять провозглашать въ своемъ присутствіи и какъ бы съ ихъ одобренія, губительные для монархіи принципы, которые, если вкоренятся во Франціи, то не замедлятъ въ скоромъ времени поколебать власть и во всей Европѣ. Но они не видятъ опасности, или же хотятъ добровольно ей подвергаться. Въ эту минуту ихъ ослѣпляетъ и опьяняетъ слава успѣха, но рано или поздно они очнутся и поймутъ свою ошибку. Но они сами удивлены тѣмъ, что находятся въ Парижѣ и побѣдили Наполеона, и это удивленіе сильно вредитъ ихъ осторожности. Если бы нашъ добрѣйшій Государь, не вмѣшиваясь въ вырабатываемую для Франціи конституцію, ограничился тѣмъ, что сказалъ Талейрану и его сообщ-

никамъ слѣдующее: „Надѣюсь, что вы повергнете вашъ Сенать къ стопамъ Людовика XVIII, прося его о забвеніи тѣхъ преступленій, которыми Франція была полна за послѣдніе 25 лѣтъ“, этого было бы достаточно для того, чтобы король Франціи вернулся въ нее просто, со всѣми присущими его рожденію правами, безъ того, чтобы кто нибудь помыслилъ предписывать ему какія либо условія. Я увѣренъ, что конституція эта не примѣнима и не долговѣчна. Думаю, что король сможетъ ее уничтожить, если сумѣетъ воспользоваться мнѣніемъ народа, который всецѣло противъ этихъ мошенниковъ, сообщниковъ Бонапарта. Но если онъ хочетъ влиять (что вполне въ его характерѣ) и притворно одобряетъ то, что ненавидитъ всей душой, а также дать время укорениться новому порядку вещей, тогда (попомните меня) мы увидимъ во Франціи новыя смуты.

Но мнѣ, какъ и вамъ, дорогая княжна, мало до этого дѣла, лишь бы Россія процвѣтала и залѣчивала свои многочисленныя раны. Пусть французы пожираютъ другъ друга, я буду желать блага только ихъ князьямъ и никогда этой ужасной націи, и эти пожеланія не будутъ нарушать моего покоя, до тѣхъ поръ пока событія будутъ происходить на французской землѣ. Въ этотъ моментъ политическое устройство Европы является великимъ дѣломъ, на которое каждый смотритъ съ открытыми глазами. Но это не дѣло одного дня, какъ Наполеоновскій миръ, для него потребуется цѣлый конгрессъ, который создастъ свою эпоху, какъ Вестфальскій.

„Что такое Вестфальскій миръ?“ спросилъ меня вчера Титовъ. „Эго миръ, положившій конецъ тридцатилѣтней войнѣ“. — „Ахъ, я знаю эту тридцатилѣтнюю войну, называемую „Крестовыми Походами“. Вотъ каковы его познанія! Г-жа де Нуазевиль сказала мнѣ всего лишь нѣсколько словъ, о ссорѣ князя Бориса съ его belle-soeur изъ за свадьбы, о которой она говоритъ лишь какъ о возможности. Я не скажу ей, что вы мнѣ объ этомъ писали, но очень Вамъ благодаренъ за интересныя подробности. Эта Лиза, которая не хочетъ ни Браницкаго, ни Голицына, никогда о ней и не думавшихъ! Вотъ уморительно, — но имѣя такую сумасбродную мать, нельзя ожидать ничего кромѣ глупостей. Я не стану ее поздравлять, такъ какъ совершенно не желаю возобновлять съ ней переписки, изъ страха, чтобы она не предложила мнѣ свою Катеньку.

Я въ восторгѣ, узнавъ наконецъ отъ Васъ самой, что вы лѣтомъ собираетесь въ Москву. Конечно, я буду имѣть счастье Васъ тамъ ви-

дѣтъ, если Богъ дастъ, буду живъ, такъ какъ я никогда и не собирался въ Подолію. Мнѣ нужно жить въ городѣ, или вообще въ болѣе населенномъ мѣстѣ, чѣмъ у графа Маркова, гдѣ никогда не видно даже кошки. Мнѣ нужны тѣ пособія, въ видѣ книгъ и другихъ предметовъ для занятій, которые имѣются въ столицѣ (даже сожженной). Я много читаю, мало выхожу и до безумія люблю свой очагъ, когда имѣю въ немъ все, что мнѣ по душѣ.

Мнѣ очень хотѣлось быть въ Петербургѣ, въ это интересное время, но это было невозможно изъ-за моего здоровья. Положимъ даже, если бы я хорошо себя чувствовалъ, то мнѣ не позволили бы этого сдѣлать расходы. Все здѣсь стало такъ дорого, такъ необычайно дорого, что съ моими маленьки средствами не приходится откладывать ни одного рубля. Я счастливъ тѣмъ, что свожу концы съ концами. Къ тому же я ни за что не сталъ бы отрываться отъ своихъ дѣлъ, что надѣлало бы много непоправимаго. Я надѣюсь, что перемѣна къ лучшему въ торговыхъ договорахъ и разумномъ начальствѣ установитъ наконецъ равновѣсіе между доходами и расходами, но если же ничего этого не произойдетъ, то мнѣ придется навсегда остаться въ Москвѣ доживать свои грустные дни.

Понимаете ли Вы возложенное на Шувалова порученіе, и представляете ли его себѣ ужинающимъ съ Бонапартомъ, Коленкурромъ, Савари, Маре и Бертраномъ? Онъ живой человѣкъ среди мертвецовъ и вернувшись можетъ сказать, что побывалъ въ аду, гдѣ бесѣдовалъ съ знаменитыми тѣнями. О! если онъ сумѣетъ въ эти первыя минуты заставить ихъ говорить о интересныхъ вещахъ!

Княжна Туркестанова.

Петербургъ 30 Апрѣля 1814 г.

Сообщите мнѣ пожалуйста про всѣ Московскія торжества: это доставитъ мнѣ большое удовольствіе. У насъ все кончено, и теперь каждый ожидаетъ возвращенія кого-нибудь изъ своихъ. Сегодня вечеромъ пріѣзжаетъ генералъ Winsingerode, вотъ кто расскажетъ много интереснаго, я напишу Вамъ все что услышу. Думаютъ, что Государь такъ скоро не вернется, ибо ему предстоитъ еще много путешествій. Послѣ Лондона онъ поѣдетъ въ Голландію, потомъ вернется въ Парижъ, послѣ чего въ Вѣну, Дрезденъ, Берлинъ и наконецъ къ намъ черезъ южныя провинціи. Вотъ что рассказываютъ, и такимъ образомъ нужно

предполагать, что его увидятъ въ Петербургѣ лишь къ концу лѣта. Вѣроятно, 18-го Бонапартъ покинулъ Фентенбло, онъ ѣдетъ въ Провансъ, чтобы сѣсть тамъ на корабль и отправиться на свой островъ. Съ нимъ ѣдетъ, изъ жалости къ нему, нѣкій г-нъ Друэ. Можетъ быть это какой нибудь отъявленный негодяй, задержавшій въ Варенѣ Людовика XVI и ожесточенно голосовавшій за его смерть, вѣроятно это онъ—и тогда вполне понятно, что онъ сопровождаетъ Бонапарта. Наконецъ-то французская земля очистится отъ него. Марія-Луиза, вновь превратившись въ барышню, вернется къ себѣ со своимъ отцомъ, который, надо сознаться, играетъ въ настоящее время печальную роль. Впрочемъ ни они ни она мнѣ совершенно не интересны, такъ какъ ея бракъ былъ весьма пошлымъ. Исторія Мюрата пока не подтверждается и что будетъ съ Неапольскимъ королевствомъ еще неизвѣстно, но надо надѣяться, а особенно желать, чтобы никто изъ этой адской шайки не позорилъ бы больше ни одного трона. Сенатъ послалъ вице-королю Италіи декретъ о низложеніи Наполеона; извѣстіе объ этомъ напечатано въ Берлинской газетѣ, такъ же какъ извѣстіе о пожалованіи Лагарпу голубой ленты, которое кажется очень страннымъ и возбуждаетъ общее сомнѣніе. Говорятъ, что этотъ Лагарпъ тоже скоро пріѣдетъ въ Петербургъ. Многіе поговариваютъ уже о путешествіяхъ, особенно же путешествіи въ Парижъ. Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ начинаютъ собираться въ путь. Если же и я начну свои сборы, то только для поѣздки въ Москву.

Меня ничуть не интересуетъ видѣть что бы то ни было, наоборотъ, мое равнодушіе меня даже сердитъ иногда, а иногда кажется мнѣ ниспосланной съ неба милостью. Что же касается до моихъ сестеръ, то мнѣ очень хочется, чтобы здоровье Остермана позволило бы имъ присутствовать на коронаціи Людовика XVIII. Это событіе настолько интересно, что даетъ пищу ихъ разговорамъ тетъ, на всѣ дни нашей жизни.

Я не ошиблась, предвидя весь шумъ, который должна была надѣлать свадьба Лизы Голицыной съ прекраснымъ *Идеаломъ* и всѣ вздорные толки, которые она должна была вызвать. Теперь оказывается, что мать де Ферзи совсѣмъ не Palfi, а просто Сапaglia, что вызываетъ всеобщій смѣхъ.

Говорятъ, что мужъ княжны Голицыной родомъ изъ страны Арлекиновъ, что мать его ужасная дрынъ и что онъ простой солдатъ. Это вздоръ, но когда люди захотятъ насмѣхаться, то всегда найдутся къ

этому поводы. Что же касается до сумасбродной матери, то она уже написала своему брату графу Шувалову, прося его объявить объ этомъ бракѣ Государю и испросить у него разрѣшеніе прекрасному узнику. Скоро все Петербургское общество перекоцуетъ въ деревню: одни на Каменный Островъ, другіе въ Павловскъ, чтобы быть вблизи отъ Императрицы. *Princesse Boris* меня очень приглашаетъ ѣхать съ ней, но я объ этомъ и не думаю. По правдѣ сказать, ея домъ слишкомъ шуменъ, столько молодежи—княгиня Куракина, дѣти... я уже отсюда вижу, что я не буду имѣть покоя даже по утрамъ; ко мнѣ будутъ приходить во всѣ часы дня, что меня очень бы стѣсняло, поэтому я предпочитаю оставаться у себя и ждать, чтобы какая-нибудь добрая душа довезла бы меня до Москвы. Моя княгиня Юсупова до сихъ поръ ни слова не говоритъ о наймѣ дачи, и одинъ Богъ знаетъ, что она собирается дѣлать. Вашъ аббатъ *Mallserbe*, котораго Вы сравниваете съ г-номъ *La Terté* и *Milleville*, мнѣ не нравится, несмотря на его хорошія убѣжденія, которыя должны бы были сдѣлать изъ него хорошаго христіанина. Онъ отказывается соборовать умирающую г-жу *Durieff* потому, что ея духовникомъ былъ аббатъ *Perrin*. По моему это не хорошо, но Богъ съ нимъ.

Кристинь.

Москва, Суббота 9 Мая 1814 г.

Постижимо ли это, что 9 (21) Мая идетъ снѣгъ, что все вокругъ замерзаетъ, печи топятся, что нельзя выставлять двойныхъ рамъ и выходить безъ шубы! Вотъ что у насъ происходитъ такъ же, какъ вѣроятно и у васъ. Мое сердце сжимается болью и я вспоминаю слова одного французскаго плѣнника въ Нижнемъ въ Декабрѣ 1812 г. „Боже! какой ужасный холодъ въ этой странѣ и эти варвары зовутъ ее своей родиной!“ Она, дѣйствительно, должна имѣть большія преимущества, чтобы вознаграждать за неприятности, причиняемыя такимъ ужаснымъ климатомъ.

Ледяные вѣтры смѣняются безъ промежутка ужаснѣйшими жарамы; то же, что называется весной и осенью, совершенно неизвѣстно Россіи. Распредѣляя свои благодѣянія, Провидѣніе уничтожило эти два прелестныхъ времени года цвѣтовъ и фруктовъ, что дѣйствительно ужасно жаль...

Изъ двухъ одно: или Людовикъ XVIII, воспользовавшись восторженнымъ настроеніемъ народа, съ перваго же момента отмѣнить конституцію,

или же не пройдетъ года, какъ мы увидимъ во Франціи новыя смуты. Но онѣ будутъ, я надѣюсь, только внутреннія, и въ этомъ случаѣ признаюсь, я буду къ нимъ совершенно равнодушенъ. Я сталъ большимъ эгоистомъ, лишь-бы наша Россія была спокойна и счастлива, издали же я готовъ желать другимъ націямъ полнаго процвѣтанія, какъ желаютъ добраго дня тѣмъ, къ кому относятся равнодушно.

Я ни слова не вѣрю о пожалованіи Лагарпу голубой ленты, это было бы подѣ стать Кутайсову, но такія вещи не встрѣчаются при двухъ послѣдовательныхъ царствованіяхъ. Къ тому же я думаю, что Лагарпъ ничего такого не добивается; и любить почести и отличія меньше наблюдательныхъ философскихъ системъ. Нивелеръ ему понравится больше, чѣмъ повышение, полученное за написанное имъ. Храни насъ Богъ отъ его вліянія. Зачѣмъ онъ пріѣдетъ въ Россію? Добрый и честный русскій крестьянинъ еще не созрѣлъ, чтобы къ нему можно было прилагать принципы, которыми руководствуются Швейцарскіе кантоны. Если захотятъ сдѣлать его счастливымъ такимъ путемъ, то очень быстро все потеряютъ. Я на тысячу верстъ отбрасываю эту мысль, осуществленіе которой заставило бы меня сейчасъ же бѣжать изъ этой страны.

Г-нъ Дивовъ умеръ почти безболѣзненно, онъ лежалъ въ кровати всего лишь 48 часовъ и не подозрѣвалъ опасности. Я видѣлъ его наканунѣ: онъ ѣлъ съ аппетитомъ и шутилъ съ художникомъ, который у него живетъ. Онъ говорилъ ему: „я надѣну, дорогой Феррари, великолѣпный халатъ, красивый колпакъ и вы нарисуете меня пишущимъ завѣщаніе“. И онъ отъ всей души смѣялся надъ этой прекрасной шуткой. Онъ говорилъ любезности своей Танюшкѣ: „когда имѣешь счастье пользоваться услугами m-elle Тани, то нечего и думать о смерти и можно еще смѣяться сколько хватитъ силъ“. Потомъ онъ мнѣ говорилъ о дѣлахъ: „черезъ шесть лѣтъ я расплачусь со своими долгами, послѣ чего поѣду поправляться въ Неаполь и вернусь совершенно здоровымъ, устраивать мое Соколово и сажать тамъ чудныя деревья...“. На другой день онъ скончался. Это было третьяго дня, 7 Мая. Жена его умерла 8 Мая, въ прошломъ году. Завтра почтовый день, мы его хоронимъ, вотъ почему я написалъ свои письма заранѣе. Если почта принесетъ мнѣ что-нибудь требующее отвѣта, то я припишу его здѣсь. На этихъ дняхъ я жду графа Маркова и пока еще самъ не знаю, гдѣ его помѣщу. Его больной племянникъ занимаетъ домъ его сестры, такъ что я поручилъ искать по всей Москвѣ ему квартиру.

Воскресеніе. 10 ч. вечера. Пришла почта. Я получилъ письмо отъ графа Маркова, помѣченное 5 Мая, а отъ Васъ, ни отъ г-жи де-Нуазевиль ни слова, ни даже газеты... виновата-ли въ этомъ небрежность почтальона? Я предпочелъ бы эту причину всякой другой. Погода въ сто разъ хуже, чѣмъ вчера, и если это такъ продолжится, то завтра поѣдутъ на саняхъ.

Понедѣльникъ 11 Мая.

Зима усиливается съ каждымъ часомъ, погода такова, что нельзя выпустить собаку на улицу. Несмотря на это я былъ на похоронахъ и у г-жи Евверсъ, къ Арсеньевой же не успѣлъ зайти. На похоронахъ княгиня Барятинская мнѣ сказала, что Булгаковъ пишетъ своему брату, что слухи о пожалованіи голубой ленты Лагарпу вполне вѣрны. Въ такомъ случаѣ храните въ тайнѣ все, что я Вамъ о немъ говорю. Онъ меня не любитъ и во время устроенной имъ въ Швейцаріи революціи, преслѣдовалъ мою семью. *Motus.*

Княжна Туркестанова.

Петербургъ 12 Мая 1814 г.

Я кажется Вамъ уже говорила, что отношусь къ Вашимъ письмамъ съ такимъ же кокетствомъ, какъ мать къ личику своей дочери. Послѣднее Ваше письмо доставило мнѣ такое наслажденіе, что мнѣ захотѣлось показать его въ свѣтѣ и я прочла его тѣмъ, кто въ этомъ понимаетъ. Г-жа Строганова является уже обычной слушательницей, поэтому она повторила то, что уже много разъ говорила о Вашихъ письмахъ. То же скажу Вамъ и о *princesse Voldemar* и объ Апраксиной, которая разсыпалась въ похвалахъ Вашей особѣ; но все это ничто, и Вы, конечно, этого ожидали. Главное же заключается въ томъ, что Вы обязаны этому письму цѣлымъ о Васъ разговоромъ. Онъ произошелъ при г-жѣ Свѣтчиной, прелестной женщины по уму, знаніямъ и вкусу. Не знаю почему, но она была сильно предубѣждена противъ Васъ, знаю только одно, что когда однажды я заговорила о Васъ, я не могла продолжать, такъ какъ она мнѣ закрыла ротъ, но не тѣмъ, что дурно о Васъ говорила, а тѣмъ, что отнеслась съ большимъ недо-вѣріемъ къ сказанному мною. Я ушла очень недовольная и просила г-жу де Нуазевиль прійти какъ нибудь со мной и вмѣстѣ поработать надъ обращеніемъ г-жи Свѣтчиной, но эти планы все оставались не осуществленными. Вчера же случай представился самъ собой: я поѣхала къ Свѣтчиной и встрѣтилась тамъ съ г-жею де Нуазевиль, которая

скоро вспомнила, что должна была передать Ваше письмо, что она и сдѣлала. Я сейчас же распечатала его, оно было отъ 1 Мая и прочла, потомъ, обратившись къ князю Гагарину beau-frère Свѣтчиной сказала ему: „Не хотите ли прослушать нѣсколько вѣрныхъ и хорошо выраженныхъ мыслей?“ Онъ протянулъ руки и я дала ему первый листъ, который такъ ему понравился, что онъ началъ усиленно его хвалить. Нѣсколько дней тому назадъ графъ Марковъ прочелъ ему одно изъ Вашихъ писемъ, отъ котораго онъ пришелъ въ большой восторгъ и это явилось довершеніемъ. Услыша восклицаніе Гагарина, Свѣтчина захотѣла прочесть письмо, но я ей его не дала, и вложивъ въ эту игру все возможное кокетство, продолжала его не давать, возбуждая вмѣстѣ съ тѣмъ ея любопытство и желаніе его прочесть. Но наконецъ, она поймала его, прочла, тоже съ большимъ удовольствіемъ, послѣ чего мы заговорили о Васѣ. Г-жа де Нуазевиль отлично мнѣ вторила, и скоро мы одержали побѣду, сраженіе было выиграно. Будь это другой человѣкъ, чѣмъ г-жа Свѣтчина, я не пошевелила бы пальцемъ, но для нея дѣло другое, такъ какъ она очень выдающаяся женщина, и мнѣ было крайне непріятно ея предубѣжденіе противъ человѣка, созданнаго, чтобы ее цѣнить, и котораго и она неизбѣжно должна находить въ своемъ духѣ. Итакъ, вы примирены, никогда не ссорившись.

Мы получили изъ Парижа много писемъ и газетъ. Между прочимъ г-жа Гурьева мнѣ прислала ту, въ которой напечатано оправданіе Коленкура, по поводу убійства герцога д'Авинскаго; оказывается, если хочешь этому вѣрить, онъ никогда даже не получалъ приказа его арестовать, что этотъ приказъ былъ данъ нѣкому генералу Ordener, а что онъ Коленкуръ былъ ни при чемъ, и былъ обвиненъ въ этомъ преступленіи лишь потому, что покинулъ Страсбургъ въ моментъ отъѣзда Ordener. Въ той же самой газетѣ напечатано письмо Коленкура нашему Государю и отвѣтъ послѣдняго, который очевидно снимаетъ съ него всякое подозрѣніе. Богъ знаетъ насколько это вѣрно, но г-нъ Дюльбуръ увѣрялъ меня, что ему трудно будетъ оправдаться во Франціи, чѣмъ въ Россіи, что все настолько увѣрены, что онъ везъ герцога д'Авинскаго въ Винсенъ, что никакія газеты въ мірѣ не смогутъ его оправдать. Его присоединеніе до сихъ поръ еще не напечатано и неизвѣстно, что съ нимъ будетъ.

Взгляды на конституцію кого-то неизвѣстнаго доставили Вамъ удовольствіе; эта брошюра очень осмысленна и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ лучше Шатобріана, которая въ лучшихъ мѣстахъ испорчена нѣкоторыми обстоятельствами. Слышите ли Вы? Это противная нація!

Боже, какими они мнѣ кажутся отвратительными! А этотъ бѣдный Людовикъ XVIII, я бы ни за что не хотѣла быть на его мѣстѣ! Всѣ плѣнные освобождены и получили разрѣшеніе уѣхать; никто изъ нихъ не увозить съ собой моего сожалѣнія, лишь г-нъ Дюбуръ (хвалившій мою ногу) увозить мой башмакъ, чтобы заказать мнѣ по немъ нѣсколько паръ въ Парижѣ.

Вообще не думаю, чтобы эти господа могли похвастаться оказаннымъ имъ въ Россіи пріемомъ, развѣ только Вандамъ будетъ расхваливать г-жу Корсакову.

Прощайте, будьте здоровы и передайте отъ меня Титову тысячу любезностей, онъ великолѣпенъ со своими Крестовыми походами. Такія ошибки ему свойственны, однажды онъ увѣрялъ меня самымъ серьезнымъ образомъ, что знавалъ въ Ригѣ г-жу де Севинье, находившуюся въ связи съ Тучковымъ и писавшую плохіе романы...

Онъ спуталъ г-жу де Севинье, изъ произведеній которой не читалъ ни страницы, съ г-жей Крюденеръ.

КРИСТИНЬ.

Москва 18 Мая 1815 г.

Такъ какъ я никогда не пишу черновыхъ писемъ и не оставляю у себя съ нихъ копій, то въ большинствѣ случаевъ къ тому времени когда получаютъ на нихъ отвѣты, я забываю ихъ содержаніе. Тщегно стараюсь припомнить, о чемъ писалъ Вамъ въ томъ посланіи, которому обязанъ хорошимъ мнѣніемъ г-жи Свѣтчиной... Я начинаю думать, что издали я кажусь лучше чѣмъ вблизи. Каждый предметъ выигрываетъ на извѣстномъ благопріятномъ для него разстояніи, и искусство заключается въ томъ, чтобы вѣрно найти это разстояніе, я думаю, чтобы видѣть меня въ хорошемъ свѣтѣ, надо смотрѣть на меня на разстояніи 728 верстъ. Конечно, для меня это очень непріятно и обидно, но, что дѣлать, приходится съ этимъ мириться. Вы знаете, что въ Москвѣ у меня мало друзей и не желая оскорблять званіе друга, (унижать значенія слова другъ), я скажу, что вижу со стороны своихъ знакомыхъ очень мало къ себѣ дружелюбія. Когда-то то же приблизительно было и въ Петербургѣ. Можетъ быть, въ началѣ своего тамъ пребыванія я былъ самъ во многомъ виноватъ; но девять лѣтъ тому назадъ, когда я вышелъ изъ заключенія, всѣ двери оказались для меня закрытыми, хотя

одинъ Богъ знаетъ, что не въ одну эпоху своей жизни я не былъ такъ достоинъ хорошаго пріема отъ Русскихъ и даже правительства, какъ въ то время, но оно первое дало тонъ и примѣръ несправедливаго отвращенія.

Лишь одинъ графъ Толстой, котораго я не зналъ, пришелъ мнѣ на помощь съ мужествомъ и прямою, тѣмъ болѣе похвальными, что на него, въ качествѣ генераль-губернатора, было возложено объявить мнѣ приказъ самой суровой ссылки. Своимъ разказомъ, въ моемъ единственномъ разговорѣ съ этимъ благороднымъ человѣкомъ, мнѣ удалось заставить его принять участіе въ моей судьбѣ. Онъ сказалъ мнѣ: „Придите ко мнѣ опять вечеромъ, я поговорю съ Государемъ“. Вечеромъ все измѣнилось. Не то чтобы въ отношеніи ко мнѣ была восстановлена полная справедливость, что не сдѣлано даже и по сей часъ, но всякое преслѣдованіе было прекращено, и я по крайней мѣрѣ могъ спокойно жить тамъ, гдѣ—скажу Вамъ откровенно—долженъ былъ получить вознагражденіе и удовлетвореніе за потерянное. Это былъ періодъ моего полного отказа отъ всякой надежды на счастье, удачу; перебирая мысленно все, что я дѣлалъ за послѣдніе десять лѣтъ, тѣ несправедливости и униженія, отъ которыхъ столько страдалъ, успѣхи моихъ товарищей по службѣ, истинную цѣнность которыхъ и убѣжденія я зналъ, я твердо сказалъ себѣ, что въ успѣхѣ, котораго добиваются незаслуженно, также какъ и въ немилости, падающей на васъ въ минуту, когда вы жертвуете всѣмъ, чтобы хорошо служить, все зависитъ отъ случайности и интригъ. Я также увидѣлъ, что одинокій иностранецъ, основывающійся на своихъ небольшихъ заслугахъ, всегда остается въ тѣни и забвеніи, которыя, впрочемъ, можетъ быть лучше успѣха, обычнымъ спутникомъ котораго является всегда безпокойство. Я ни о чемъ не жалѣю, ничего не хочу, я приблизительно счастливъ, насколько это возможно въ мои годы, когда независимость является первымъ благомъ.

Если Богъ мнѣ ее сохранить и соблаговолить увеличить ее по мѣрѣ того, какъ годы увеличатъ мои потребности, я буду благословлять Его такъ же искренно и съ такой же благодарностью, какъ если бы онъ послалъ мнѣ милліоны. Я кончаю свое письмо, но вижу, что почти ничего не отвѣтилъ на Ваше и все говорилъ только о себѣ. Простите это человѣку, который непосредственно поддается своимъ мыслямъ и чувствамъ, не считаясь съ приличіями. Вѣроятно, Вамъ случалось испытывать то же самое и я увѣренъ, что часто, взявшись за перо, Вы не знаете, куда поведетъ его Ваша мысль. Вчера я видѣлъ Вашу тетюшку.

Разказала ли Вамъ г-жа де Нуазевиль про сдѣланную мной на дняхъ глупость? Я получилъ отъ нея пакетъ, въ которомъ думалъ найти отъ Васъ письмо, и мнѣ казалось, что я уже держалъ его въ рукахъ; вдругъ я вижу на двухъ конвертахъ Вашъ почеркъ: читаю первый, — г-жѣ Арсеневой, второй, конечно, мнѣ, распечатываю его не читая надписи и съ первой же строки вижу „дорогая тетя“. Ахъ, Боже мой, что я сдѣлалъ и какъ я разсѣянъ, сказалъ я себѣ, конечно то мое, и я быстро срываю вторую печать и опять попадаю на роковое „дорогая тетя“. Увы, оба были для г-жи Арсеневой, и я ихъ распечаталъ, но эта поспѣшность объясняется цѣнностью Вашихъ писемъ, хотя мои годы должны бы были ее сократить. Дѣло въ томъ, что я былъ такъ смущенъ своей разсѣянностью, что не спалъ всю ночь, что бываетъ со мной всякій разъ, когда что-нибудь хлестнетъ меня по нервамъ. Представьте себѣ, въ какомъ я былъ неловкомъ положеніи, особенно съ моими сѣдыми волосами, когда мнѣ пришлось итти каяться въ своемъ промахѣ Вашей тетушкѣ. Это могло быть едва простительно двадцатилѣтнему молодому человѣку; но я встрѣтилъ лишь одну доброту и великодушіе.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ, 19 Мая 1814 г.

Ахъ, какъ Вы трогательны съ Вашимъ снѣгомъ, морозомъ и плохой погодой! Вотъ уже три дня, что у насъ стоитъ настоящее лѣто, и въ то время какъ Вы мнѣ пишете о топкѣ каминовъ и саняхъ, у меня открыты окна, ярко свѣтитъ солнце, и въ комнатѣ стоятъ великолѣпные цвѣты. Посудите сами, какое впечатлѣніе произвело Ваше письмо. Г-жа Апраксина, которая обожаетъ Москву и всегда защищаетъ ее передъ Петербургомъ, увѣряла на дняхъ, что весна тамъ начинается раньше и лѣто продолжается дольше, чего я никогда не находила; климатъ обѣихъ столицъ совершенно одинаковый. Вчера, прійдя къ ней, я торжествовала, что могла сообщить ей, что 11 Мая у Васъ выпалъ снѣгъ и что погода такова, что нельзя собаку выпустить на улицу, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ у насъ не было ничего подобнаго. Наконецъ, погода такъ хороша, что я горю желаніемъ быть въ деревнѣ, и мнѣ кажется, что несмотря на то, что зимой я совсѣмъ не ходила, теперь я могла бы ходить цѣлыми днями. Я думаю, что буду жить на Каменномъ Островѣ, такъ какъ графиня Лита не ѣдетъ въ Павловскъ съ Императрицей. Ея мужъ сдѣланъ предсѣдателемъ комитета по постройкамъ, которыя будутъ производиться къ встрѣчѣ Государя, и потому

онъ долженъ оставаться въ Петербургѣ; онъ будетъ жить на Каменномъ Островѣ, что даетъ ему возможность быть цѣлыми днями въ городѣ. Княгиня Юсупова нанимаетъ дачу тамъ же, а г-жа Строганова мнѣ уже предложила жить у нея на дачѣ.

Вы видите, что затрудненіе у меня лишь въ выборѣ. Если домъ княгини Юсуповой достаточно великъ, то я выберу ее, если же нѣтъ, то ея сестру Литу, у которой буду пользоваться еще лучшимъ обществомъ. Я въ восторгѣ, что поѣду подышать воздухомъ и видѣть зелень. А все-таки путешествіе въ Москву лежитъ у меня на сердцѣ, но возвращеніе сестеръ можетъ явиться для меня препятствіемъ. Если онѣ пріѣдутъ прямо въ Москву, и это будетъ въ концѣ моего пребыванія, то я увижу ихъ очень мало; я думаю, что мнѣ лучше ѣхать тогда, когда я узнаю, что онѣ уже пріѣхали, и вмѣстѣ съ ними проѣхать къ тетѣ на четыре или пять мѣсяцевъ. Я совершенно равнодушна ко всѣмъ удовольствіямъ и шуму Петербурга, и у меня давно уже не лежитъ къ нимъ сердце, и если даже, какъ говорятъ, къ намъ пріѣдутъ Тальма и г-жа Дюшезнуа, я готова пожертвовать удовольствіемъ любоваться ими для счастья спокойно провести зиму въ Москвѣ среди своихъ. Что Вы объ этомъ думаете? Стоите ли Вы за эти планы? Скажите мнѣ это совершенно искренно, я еще ничего не рѣшаю и могу все измѣнить въ зависимости отъ того, будетъ ли мнѣ это удобно, и я хочу знать Ваше мнѣніе. Главное же мнѣ не хотѣлось бы жариться на Коммерческой въ эти чудные дни, которыхъ у насъ и безъ того бываетъ такъ мало. Я получила письмо отъ г-жи Остерманъ, которая поручила мнѣ меблировать ея квартиру. Она требуетъ, чтобы все было красиво, нарядно, прочно и дешево. Я въ недоумѣніи, какъ все это совмѣстить. Я уже была въ ея квартирѣ со столярами; нужно отдѣлать 7 комнатъ, что не легко съ небольшими деньгами, все чрезвычайно дорого.

Я думаю, что уже больше не увижу Маркова; онъ уѣзжаетъ сегодня, а я съ нимъ не простилась какъ слѣдуетъ, это меня слишкомъ огорчило бы, я это чувствую. Богъ знаетъ, увидимся ли мы когда-нибудь. Несмотря на то, что всѣ мы знаемъ, что можно умереть во всякомъ возрастѣ, все-таки тяжело надолго разставаться со стариками, и это всегда невольно наводитъ на грустные мысли. Я всѣмъ сердцемъ хочу, чтобы онъ вернулся къ намъ раньше двухъ лѣтъ, которые онъ рѣшилъ остаться въ Подоліи.

Я его очень полюбила, и мнѣ было большимъ удовольствіемъ встрѣчать его въ обществѣ; въ немъ есть что-то доброе и чуткое; мнѣ

бы очень хотѣлось, чтобы дочь его, которую онъ такъ сильно любитъ, сдѣлала бы его счастливымъ, а также, чтобы Богъ открылъ бы ему глаза на нѣкоторыя истины, которыя послужили бы ему большимъ утѣшеніемъ. Но не нужно ни въ чемъ отчаяваться! Прощайте, пора разстаться. Ко мнѣ пришелъ какой то неизвѣстный господинъ, совершенно разорившійся, ему нужна помощь нашего благотворительнаго комитета, и я должна его выслушать.

Будьте здоровы. Думайте иногда обо мнѣ. Передайте отъ меня г-жѣ Толстой тысячу нѣжностей.

КРИСТИНЬ.

Москва, 26 Мая 1814 г.

Спрашивая мое мнѣніе о времени Вашего возвращенія въ Москву, дорогая княжна, Вы какъ будто хотите поставить ловушку моей правдивости и чистосердечію, такъ какъ если я склонюсь въ сторону Вашего скорѣйшаго прїѣзда, но на короткій срокъ, то Вы скажете, что я не дорожу тѣмъ, чтобы Васъ видѣть дольше, если же я посоветую Вамъ отложить Ваше путешествіе до возвращенія княженъ, чтобы пробыть съ ними дольше, что Вы будете въ правѣ думать, что я не стремлюсь Васъ видѣть скорѣе. Итакъ, я ничего не рѣшаю и говорю: прїѣзжайте скорѣе и оставайтесь съ нами подольше, и не выхожу изъ этихъ границъ. Но сравнивая свѣжесть бесѣдокъ Каменнаго Острова и зеленые берега Невы, съ ужасной лѣтней пылью торговыхъ улицъ, я не могу не забыть себя совершенно ради Васъ и не желать, чтобы Вы провели лѣто на воздухѣ, вмѣсто комнатъ Вашей тетюшки, которая никогда не открываетъ ни одной форточки, несмотря на 19 градусовъ. Прошу вѣрить, что это самый безкорыстный совѣтъ, какой я когда-либо давалъ въ своей жизни. И съ моей стороны это большая заслуга. Я пишу въ Среду на Четвергъ, потому что съ минуты на минуту, ожидаю графа Маркова. Вотъ уже восемь дней, что онъ въ дорогѣ, и онъ не привыкъ путешествовать такъ медленно. Я очень радъ, что Вы оцѣните его справедливо, я заранѣе былъ увѣренъ, что и онъ Васъ оцѣнитъ и не ошибся.

Я думаю, что онъ пробудетъ здѣсь недѣлю, и мы съ нимъ много поговоримъ о Васъ. Дѣйствительно, въ его лѣта, уѣзжая на два года, нельзя не бояться, что не вернешься, хотя онъ изъ хорошей породы въ смыслѣ здоровья. Его отецъ умеръ 76 лѣтъ, сестрѣ теперь 77, и

если она не обладает большой свѣжестью, то по крайней мѣрѣ она очень живая и здоровая. Не помню, отъ котораго числа было мое письмо, въ которомъ я опровергалъ извѣстiе о голубой лентѣ Лагарпа, но мнѣ хотѣлось бы знать, дошло ли оно до Васъ; мнѣ кажется, что Вы на него не отвѣчаете, или же можетъ быть я еще не получилъ этого отвѣта. Пока я очень волнуюсь, получили ли Вы его. Г-жа Толстая занялась богомольемъ, на нее нашло ни съ чѣмъ не сравнимое усердiе. На нее влiяетъ графиня Протасова; онѣ не пропускаютъ ни одной вечерней службы и по утрамъ бывають у двухъ обѣднѣ, не забывая постовъ и всего тому подобнаго. Великимъ постомъ маленькiй Протасовъ былъ боленъ, и доктора приказали ему ѣсть скоромное; мать, не желая возставать противъ этого и желая справедливо возмѣстить это нарушенiе, лишила себя рыбы на всѣ семь недѣль и жила только грибами, кашами и сухимъ горохомъ. Графиня Толстая перевозноситъ это до небесъ, но она напрасно старается проповѣдывать примѣромъ и словомъ, ея дочери не могутъ воспринять этого режима. „Представьте себѣ“, говорила мнѣ на дняхъ Евдокiя, „мы встаемъ съ разсвѣтомъ, чтобы итти въ церковь и приходимъ всегда раньше священника; мы ждемъ его, видимъ, какъ онъ облачается, и до обѣдни выслушиваемъ столько не нужныхъ молитвъ, что когда она начинается, мы положительно изнемогаемъ. Если бы все кончалось этимъ, это было бы еще сносно, но мама сейчасъ же тащитъ насъ на другую службу: ей никогда одной не бываетъ достаточно“. Мать смѣется надъ всѣмъ этимъ и продолжаетъ дѣлать по своему. Несмотря на это, барышни не принимаютъ участiя въ паломничествѣ, берутъ только Сашу, такъ какъ это было обѣщано во время его болѣзни. Графиня тоже везетъ съ собой жену своего духовника, и старую Калмыкову; я думаю, что скука путешествiя будетъ той жертвой, которая увеличитъ цѣнность молитвы. Въ это время можетъ вернуться мужъ, такъ какъ я не вижу, зачѣмъ нуженъ генералъ-лейтенантъ шести тысячамъ солдатъ, возвращающимся на родину, и такъ какъ отъ него давно нѣтъ писемъ, я увѣренъ, что онъ въ пути и появится въ одинъ изъ ближайшихъ дней. Я съ нетерпѣнiемъ жду его; сначала онъ ничего не расскажетъ, но потомъ сердце заговоритъ, и Ваня Нарышкинъ, его адъютантъ, мнѣ все расскажетъ. Титовъ говоритъ, что послѣ того, какъ онъ долго не хотѣлъ вѣрить обвинявшимъ Толстого въ небрежности и нерадѣнiи къ службѣ, ему пришлось повѣрить этимъ къ несчастью вполнѣ основательнымъ обвинениямъ. Читать и подписывать бумаги, рѣшать, посылать курьера, для него пытка; секретари, приготовивъ все, ждуть по два, по три и четыре дня, пока онъ сочтетъ возможнымъ прочесть ихъ работу, исправить ее или признать ее правильной. Въ военномъ дѣлѣ все требуетъ быстроты,

и такая медленность можетъ только вредить стоящему во главѣ арміи. При томъ же онъ окружаетъ себя людьми недалекими какъ Муромцовъ, которые никогда не смотрятъ правильно на вещи, и все это сильно вредить ему, и ему будетъ очень трудно загладить тяжелое впечатлѣніе.

Говорятъ, что Государь пріѣдетъ въ Іюнь, и своимъ усердіемъ Москва подражаетъ Петербургу: говорятъ также о томъ, чтобы собрать съ дворянства пятнадцать милліоновъ на памятникъ. Вмѣстѣ съ уваженіемъ, которое я долженъ отдавать предводителямъ дворянства, я думаю, что самымъ прекраснымъ памятникомъ для Москвы было бы устройство домовъ для несчастныхъ, не имѣющихъ ни крова ни очага; такъ какъ если Вамъ говорятъ, что Москва вновь строится, не вѣрьте. Исключая нѣкоторыхъ готовыхъ бараконъ, она осталась такою, какъ Вы ее оставили. Полиція придирается ко всѣмъ тѣмъ, которыя хотятъ возстановливать свои дома, заставляя ихъ выравнивать улицы, улицы будутъ выровнены и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ останутся безъ домовъ. Она не разрѣшаетъ никакихъ, даже самыхъ маленькихъ деревянныхъ построекъ, ни даже службъ и сарайчиковъ безъ камина, и такъ какъ кѣрпичъ съ 16 рублей поднялся на 44 за тысячу, то судите сами, что этотъ матеріалъ не доступенъ бѣднымъ. Правда, что съ деньгами можно обойти всякій законъ, но тѣ, кого надо подкупать, такъ многочисленны и жадны, что это средство не всѣмъ доступно. Я твердо вѣрю, что въ этомъ отношеніи мы приближаемся къ лучшему, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что мы достигли такой крайности въ злѣ и злоупотребленіяхъ, а говорятъ, что крайности соприкасаются. Надѣюсь, что Государь посѣтитъ Москву; нужно, чтобы онъ убѣдился собственными глазами, что представляетъ изъ себя этотъ несчастный городъ; боюсь, что это не будетъ еще такъ скоро.

Четвергъ, 28 Мая.

Пріѣхалъ курьеръ графа Маркова, онъ увѣряетъ меня, что графъ будетъ здѣсь черезъ часъ. Это не мѣшаетъ мнѣ передать Вамъ сто тысячъ нѣжностей отъ Титова, который хочетъ между прочимъ, чтобы я Васъ увѣрилъ, что онъ никогда еще не любилъ ни одну женщину (въ которую не былъ влюбленъ) такъ, какъ любить Васъ. Я очень жалѣю, что онъ не женился на Fragile, Вы имѣли бы чуднаго зятя.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ, 28 Мая 1814 г.

Вернувшись изъ Тихвина, я нашла Ваше письмо отъ 18. Я не могла Вамъ отвѣтить сейчасъ же, такъ какъ была совершенно разбита этимъ путешествіемъ. Мнѣ пришлось взять ванну и отдохнуть, чтобы

вновь набраться силы. Вы напрасно меня благодарите за все то, что было сказано у г-жи Свѣтчиной, я только возстановила правду. Я уже давно искала случая, который представился въ этотъ день самъ собой, и была очень счастлива показать, высказать все то уваженіе и дружбу, которые я къ Вамъ питаю. Не будемте никогда говорить о Вашемъ прошломъ, забудьте, если можно, всё непріятности, несправедливости и огорченія, сдѣланныя Вамъ людьми.

Живите настоящимъ со всѣми тѣми, которые Васъ любятъ и такимъ образомъ мы достигнемъ предначертанной Провидѣніемъ минуты. Запасайтесь матерьялами, чтобы начать новое существованіе болѣе реальное, чѣмъ это. Не думайте, что такъ говорить съ Вами меня заставляетъ мое паломничество, — чтобы сказать Вамъ это, мнѣ не нужно было ѣхать въ Тихвинъ, — увѣряю Васъ, что это моя всегдашняя мысль. Чтобы вернуться къ путешествію скажу Вамъ, что мы совершили бы его очень пріятно, если бы не дождливая погода. Первый день мы сдѣлали 190 верстъ въ 20 часовъ, лучше ѣхать не возможно. Но вотъ темныя густыя тучи все испортили, скоро полилъ ливень, люди оказались въ жалкомъ положеніи, и мы рѣшили остановиться на первой же станціи. Оставалось не больше четверти версты, когда экипажъ застрялъ въ такой ужасной грязи, что переднія колеса совершенно въ нее погрузились, и двигаться оказалось невозможнымъ. Дились цѣлые потоки. *Princesse Boris* вообразила, что мы валимся и начала такъ кричать, какъ будто бы ее рѣзали. Въ такія минуты я не пугаюсь, какъ другіе, и, чувствуя бесполезность разсужденій, становлюсь необычайно серьезна. Я предложила ей пересѣсть въ кибитку, въ которой ѣхалъ ея поварь, и когда она ушла, я осталась спокойно ждать людей и лошадей, которыхъ должны были прислать изъ сосѣдней деревни, чтобы меня вытащить. вмѣсто этой помощи кибитка вернулась обратно, чтобы увезти меня одну, а экипажъ остался въ грязи. Ни одна душа не хотѣла притти ему на помощь, такъ какъ эти негодяи мужики хотѣли денегъ и не говорили этого сразу. Наконецъ, послѣ многихъ напрасныхъ словъ имъ дали 25 рублей и они поѣхали. Благодаря этому намъ пришлось ночевать въ деревнѣ. Экипажъ пріѣхалъ въ 3 ч. утра, а въ шесть мы поѣхали и пріѣхали въ Тихвинъ къ 8 часамъ вечера, сопровождаемые небольшимъ дождемъ. Уставши до смерти, мы сейчасъ же улеглись. На другой день погода была великолѣпная, и я отправилась къ ранней обѣднѣ. Такъ какъ я совершаю это паломничество уже въ шестой разъ, то весь монастырь меня знаетъ и мои добрые друзья монахи были очень рады меня видѣть, и на правахъ старой знакомой мнѣ пришлось выслушивать массу всякаго вздора. Я должна сознаться,

что очутилась вовсе не въ мирномъ пристанищѣ и еще меньше смиренномъ: всѣ монахи были недовольны: одни отцомъ экономомъ, другіе отцомъ казначеемъ; братъ Павелъ жаловался на брата Антонія, братъ Бартоломей на отца Филиппа, наконецъ, они пожирали другъ друга, и какъ я Вамъ уже говорила, мнѣ пришлось выслушать массу разсказовъ. Вздыхая, я уговаривала ихъ жить мирно и взаимно терпѣливо и снисходительно переносить другъ друга. Несмотря на это, въ этой общинѣ есть религіозные люди, которые не мѣшаются въ эти передряги и которыхъ я давно люблю за ихъ простое и доброе сердце. Мы оставались тамъ съ Четверга вечера до Воскресенья утромъ, когда мы двинулись въ обратный путь и вернулись сюда въ Понедѣльникъ въ 9 ч. вечера. Вотъ точное описаніе моего паломничества. Мнѣ почти хочется Вамъ сознаться, что больше я не поѣду съ доброй княгиней. Ея страхи въ дорогѣ очень неприятны для тѣхъ, кто ихъ не имѣетъ. Я люблю путешествовать одна, это гораздо удобнѣе.

Умоляю Васъ дать мнѣ свѣдѣнія о графѣ Марковѣ, какъ перенесъ онъ путешествіе, здоровъ ли, и не устала ли его дочь? Разскажите мнѣ побольше о всемъ, что его касается, особенно же о его здоровьѣ. Передайте ему отъ меня тысячу нѣжностей, Вы никогда не скажете слишкомъ много. Я не хочу опровергать, что искренно къ нему привязана, и мнѣ кажется, что его сердце поняло мое, онъ долженъ меня любить, я въ этомъ почти увѣрена. Что же касается до меня, то гдѣ бы онъ ни находился, я буду часто думать о немъ и жалѣть, что онъ не тамъ, гдѣ я. Я горячо желаю, чтобы его пребываніе въ Подоліи не было бы такъ продолжительно, какъ онъ предполагаетъ. Если бы онъ могъ устроить свои дѣла и вернуться въ Петербургъ на будущій годъ, я была бы очень счастлива.

Мы слышимъ много разговоровъ о Парижѣ и о томъ, что тамъ происходитъ. Молодой Потемкинъ вернулся, я увижу его у его матери, гдѣ сегодня обѣдаю. Сыновья *princesse Boris* прислали массу брошюръ, которыя мы будемъ читать сегодня вечеромъ у графини Строгановой; тамъ будетъ, вѣроятно, больше чувства, чѣмъ здраваго смысла. Но пускай, все равно нужно быть въ курсѣ того, что говорится во Франціи и что дѣлаетъ и предполагаетъ дѣлать это отродье.

Г-нъ *Vaudreuil* въ Парижѣ. Трубецкой только что вернувшись оттуда говорить, что онъ не узналъ этого города и что его возвращенность достигла такого предѣла, что внушаетъ отвращеніе. Но что удивительно, такъ это то, что никто изъ нашихъ молодыхъ людей имъ

не восхищается. Въ этой странѣ еще ничего не установилось и ждуть еще разныхъ распрей. Тяжело придется бѣдному королю, хотя пока все въ восторгѣ отъ него и его поведенія. Герцогиня d'Angoulême все время плачетъ, и у нея постоянно красные глаза. Герцога де Berry очень хвалятъ, кажется, что на него смотрять какъ на настоящаго наследника.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ, 5 Юня 1814 г.

Судьба моя на это лѣто рѣшена: я ѣду на Каменный Островъ 15 сего мѣсяца къ княгинѣ Юсуповой, которая не хочетъ уступить меня сестрѣ. Я буду имѣть удовольствіе жить на берегу Невы около церкви и чуднаго сада г-жи Лаваль. Я надѣюсь, что буду имѣть возможность гулять, такъ какъ вотъ уже 8 мѣсяцевъ, что я забыла о существованіи своихъ ногъ; я совершенно не хожу даже по саду. Сойти со своихъ 113 ступеней, для того чтобы прогуляться, даже не приходитъ мнѣ въ голову. Къ тому же тотъ образъ жизни, который я веду заставляеть меня такъ дорожить утромъ, что мнѣ даже не хочется его терять. Только отъ 8 ч. утра и до 4 ч. я располагаю своимъ временемъ, такъ какъ хочу и могу заниматься, читать, давать урокъ Надеждѣ и т. д. Наконецъ, мнѣ нужно имѣть все утро въ моемъ распоряженіи безъ нарушенія. Но въ деревнѣ будетъ совсѣмъ другое. Любите ли Вы длинные Юньскіе дни и эти свѣтлыя ночи, чарующія столькихъ людей? Я же этого не переношу, постоянный свѣтъ и ночи безъ темноты навѣваютъ на меня ужасную необъяснимую грусть. Я люблю, когда утро, вечеръ и ночь ощутительно и послѣдовательно смѣняють другъ друга. Этотъ свѣтъ приводитъ меня въ отчаяніе, и когда я возвращаюсь къ себѣ въ 12 ч. ночи, я тщательно закрываю все ставни и зажигаю свѣчи и лампы, стараюсь создать себѣ настоящій вечеръ, чтобы почитать часокъ передъ сномъ.

Что Вы скажете о Фердинандѣ XII, который свергнулъ Кортесовъ и конституцію? Онъ не хочетъ ни того, ни другого. 12 казалось, что вся власть находилась въ рукахъ этихъ людей, 13 пріѣзжаетъ король и одной погой опрокидываетъ все это; онъ объявляетъ недѣйствительнымъ все установленное этой властью, возстаетъ противъ конституціи и тѣхъ, кто ее создалъ, и говоритъ, что хочетъ царствовать по примѣру своихъ предшественниковъ. Мы еще не знаемъ подробностей всего происшедшаго, но фактъ тотъ, что Кортесы уже потеряли свое значеніе и что Bardau получилъ объ этомъ официальные свѣдѣнія. Вотъ что, я думаю, выведетъ изъ моды конституцію и Людовикъ XVIII, если захочетъ, можетъ опереться на этотъ примѣръ. Замѣтьте, пожалуйста, что кажется Испаніи предназначено сдѣлать Франціи много добра.

Кристинъ.

Москва, 11 Іюня 1814 г.

Я буду говорить съ Вами исключительно о графѣ Марковѣ, котораго Вы такъ сильно покорили, что отъ Васъ только зависѣло бы повести дѣло дальше настолько, насколько оно можетъ идти. Во первыхъ, пріѣхавъ къ сестрѣ, онъ мнѣ сказалъ: „Ахъ, Боже мой, сколько женщинъ! Если Васъ не очень стѣснить, то я поѣду къ Вамъ, оставивъ здѣсь всѣхъ своихъ, и мы можемъ тогда свободнѣе говорить“. Это стѣсняло меня, но все таки доставляло удовольствіе. Мы быстро кончили съ политической темой, чтобы перейти къ разговору о его дочери, и въ первый же вечеръ, говоря о ней, упомянулъ Ваше имя разъ двадцать. На слѣдующій день онъ говорилъ о Васъ уже независимо отъ дочери, спрашивалъ меня, что Вы могли о немъ сказать.— „Она хвалитъ Васъ при всякой возможности, и Вы внушили ей къ себѣ настоящую симпатію“.— „Она говоритъ Вамъ все это ради шутки“.— „Нѣтъ, это весьма серьезно, и доброе расположеніе не можетъ вызывать никакихъ шутокъ, но я прошу Васъ вѣрить, что ея отношенія къ Вамъ чисто дружеское“.— „Тѣмъ хуже“, отвѣтилъ онъ, „я предпочелъ бы, чтобы въ немъ было что-нибудь иное. Что касается до меня, то я нахожу ее прелестной, и будь я тридцатью годами моложе, я сказалъ бы ей это смѣлѣе“. Черезъ нѣкоторое время онъ продолжалъ: „Но почему княжна Туркестанова заговорила съ Вами обо мнѣ?“— „По поводу Вашей дочери, а также потому, что она знаетъ наши отношенія и потому что въ своихъ письмахъ къ ней я часто говорилъ о Васъ“.— „Покажите же мнѣ ея письма“. Я шутилъ, въ свою очередь, и говорилъ, что переписка существуетъ только для тѣхъ, къ кому она относится. Попросивъ ихъ разъ, онъ возвращался къ этой просьбѣ разъ десять подрядъ, и такъ настойчиво, что въ тотъ же вечеръ, ложась спать, я отобралъ всѣ письма, гдѣ Вы о немъ пишете, спрятавъ все-таки то, въ которомъ Вы меня браните за совѣтъ говорить съ Вами и отложивъ одиннадцать, гдѣ Вы хвалите его, его дочь, и высказываете пожеланія счастья для него. На другой день, какъ я этого и ожидалъ, онъ опять повторилъ свою просьбу, и я принесъ ему одиннадцать своихъ писемъ, но въ одномъ не оказалось конца, такъ какъ я спряталъ второй листъ, гдѣ говорилось о графѣ Толстомъ, и въ томъ, что я ему показалъ не было ничего такого, чего нельзя было бы прочесть. Онъ все-таки былъ заинтригованъ отсутствіемъ этого окончанія, но я сказалъ ему смѣясь, что сохранилъ только то, что ему показываю, что прошу вѣрить мнѣ на слово, и что онъ больше ничего не увидитъ. Тогда онъ принялся

читать, съ такимъ вниманіемъ и удовольствіемъ, что мнѣ казалось, что онъ вотъ, вотъ поцѣлуетъ написанныя Вами строки. Разговоръ по поводу писемъ продолжался все утро. „Я хочу ей написать, сказалъ онъ мнѣ, и оставлю у Васъ свое письмо; могу ли я ей сказать, что читалъ ея письма?“—„Ахъ, Боже мой, конечно, отвѣтилъ я, такъ какъ я и самъ ей это скажу“.

Сейчасъ же послѣ этого получилось Ваше письмо отъ 28 Мая, я ему его прочелъ и онъ пришелъ отъ него въ восторгъ. „Конечно, сказалъ онъ, я начну съ ней переписку, но къ несчастью я ей даже на это и не намекалъ, она видитъ меня такимъ, какъ я есть, такъ какъ называетъ *старикомъ*. Скажите ей, пожалуйста, что мнѣ еще нѣтъ 70 лѣтъ и что настоящая старость начинается лишь въ 75 лѣтъ. Вы чувствуете, мой дорогой, что когда дѣйствительность не говоритъ ничего хорошаго, то приходится устанавливать ложныя истины. Весь разговоръ продолжался въ этомъ тонѣ, но ужасный насморкъ, продержавшій его въ постели до 3-хъ часовъ, и бостонъ, заставившій его сидѣть до 2 ч. ночи, не позволили ему писать и только въ день своего отъѣзда онъ сѣлъ за свой письменный столъ, чтобы писать г-жѣ Гурьевой и Вамъ. Къ несчастью ему помѣшали, и ему пришлось прервать Ваше письмо. Онъ просилъ меня Вамъ передать, что въ деревнѣ будетъ нагонять упущенное и что онъ надѣется, что Вы сдѣлаете ему честь отвѣчая на письма. Онъ будетъ очень польщенъ, увидя, что, чтобы написать ему, Вы не ждали его письма, но онъ еще этого не знаетъ, такъ какъ Ваше письмо отъ 5 Іюня, въ которомъ Вы общаете ему письмо со слѣдующей почтой, пришлю только послѣ его отъѣзда.

Онъ безконечно меня спрашивалъ о Васъ, увѣряя, что у Васъ должно быть чрезвычайно нѣжное сердце и говорилъ: „отъ благочестія до любви, одинъ шагъ: *то и другое слабость*“. Это, кажется, слова Вольтера, но говоря ихъ, онъ доказываетъ, что обращеніе его еще далеко не подвинулось впередъ. Мнѣ кажется, что на этотъ счетъ не слѣдуетъ льстить себя слишкомъ большими надеждами, что онъ и самъ признаетъ развѣ только, говоритъ онъ, въ томъ случаѣ, когда онъ состарѣется и въ 75 лѣтъ остарѣвшіе органы заставятъ его видѣть все въ другомъ свѣтѣ. Итакъ, вотъ его письмо; онъ не хотѣлъ мнѣ его прочесть: „долженъ же я окружить его нѣкоторой таинственностью, такъ какъ эта дѣвушка нисколько ее не вносить“.

Прощайте, дорогая княжна, я сдержалъ свое обѣщаніе и говорилъ съ Вами только о Вашей новой побѣдѣ; его дочь проситъ меня Вамъ

напомнить о ней. Объ испанскомъ королѣ мы поговоримъ въ слѣдующій разъ. Пошли ему Богъ силы поддержать свои намѣренія. Я въ восторгѣ, что онъ опрокинулъ Кортесовъ, которые были только революціонеры. Не ихъ созывалъ онъ во время своего заточенія въ Байонъ.

Княжна Тургестанова.

Петербургъ, 11 Іюня 1814 г.

Я могла бы держать пари, что отвѣтила Вамъ по поводу Лагарпа и что написала положительно о голубой лентѣ и почему онъ ее получилъ. Если же я этого не сдѣлала, то избавьте меня пока отъ этого разсказа, такъ какъ онъ слишкомъ длиненъ; Вамъ достаточно знать, что онъ съ Талейраномъ повелъ вещи такъ, какъ онѣ произошли. Онъ давно былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ *Rénéveut* и Вы понимаете, что за это одолженіе ему должны быть благодарны и что нужно было вознаградить его явнымъ образомъ.

Цѣнить онъ или нѣтъ, то что ему дали, я ничего не знаю, но дѣло въ томъ, что это отличіе ставить его въ чинъ генераловъ-лейтенантовъ, который, если онъ вернется въ Швейцарію, будетъ ему ни къ чему. Государь покинулъ Парижъ 18 Мая и желая избѣгнуть церемоній, которые не преминули бы устроить при его отъѣздѣ, онъ уѣхалъ не предупредивъ никого. Наканунѣ онъ простился съ королемъ, назначилъ на слѣдующій день большой парадъ, и пока всѣ принимали въ немъ участіе онъ удалился, чтобы вернуться къ себѣ, переодѣться и сейчасъ же уѣхать. То же самое, сдѣлалъ нѣсколькими днями позднѣе Великій Князь Константинъ; онъ пріѣхалъ къ намъ съ мирнымъ трактатомъ, заключеннымъ во Франціи. Хотя вчера въ Исаакіевскомъ Соборѣ намъ и читали его содержаніе, но я ни слова не поняла, такъ какъ министръ юстиціи читалъ его на ухо Государынѣ, поэтому и остальные оказались не счастливыѣ меня. Всѣ очень недовольны, что онъ не представилъ этого чтенія секретарю съ хорошимъ голосомъ и легкими. Всѣмъ извѣстно только то, что пока не будетъ никакого раздѣла земель и что для обсужденія границъ союзниковъ будетъ созванъ особый конгрессъ.

Посмотримъ, какъ эти господа подблѣять сладкій пирогъ, лишь бы серединку его не дали Австріи, чему я буду очень рада. Вчера большой парадъ былъ устроенъ въ Исаакіевскомъ Соборѣ, потому что въ Казанскомъ идетъ ремонтъ. Толпа была невѣроятная. Великій Князь

сопровождать верхомъ карету Императрицы-матери, высшіе чины и мы всѣ составляли шествіе, жара въ церкви и внѣ ея была ужасная.

Будущее Воскресеніе я переѣзжаю на Каменный Островъ, гдѣ, кажется, останусь все лѣто. Вы правы: торговыя улицы и домъ моей тетки въ это время невыносимы. Не понимаю, какъ Арсеньевъ можетъ мириться съ тѣмъ страннымъ образомъ жизни, который онъ ведетъ. Быть герметически закупореннымъ въ теченіе всѣхъ двѣнадцати мѣсяцевъ года, это возможно только экзотическимъ растеніямъ, но какъ переносить это онъ, представляющій изъ себя растеніе мѣстное! Я тысячу разъ пыталась исправить его отъ этой маніи, но всегда безуспѣшно; бѣдная тетя, ей хотѣлось бы поѣхать въ деревню, но увы, онъ заставляеть ее потѣть цѣлыми днями. Читая вчера о пріѣздѣ графа Маркова къ сестрѣ, я много смѣялась: вѣрю, что онъ не могъ оставаться тамъ изъ-за суеты и шума, которые тамъ его встрѣтили, на его мѣстѣ я сдѣлала бы то же самое, и скорѣе переѣхала бы къ Вамъ. Онъ писалъ Гурьеву, жаловался на насморкъ; надѣюсь, что онъ скоро отъ него отдѣлается. Онъ, вѣроятно, видитъ графиню Толстую, да, кстати, что это у нея за манія таскать своихъ дочерей къ двумъ обѣднямъ? Она надоѣдаетъ имъ до смерти и думаетъ этимъ сдѣлать ихъ благочестивыми, но изводя ихъ такими тяжелыми обязательствами, она совершенно отвратить ихъ отъ благочестія. Въ ихъ годы было бы достаточнымъ бывать у обѣдни разъ въ недѣлю и каждый день читать имъ по часу религіозныя книги, чѣмъ таскать ихъ въ церковь ежедневно. Для нея это другое дѣло, она знаетъ, что дѣлаетъ, но для дочерей, надоѣдая имъ столькими обязательствами, она не достигнетъ цѣли.

Съ тѣхъ поръ, какъ я нахожусь при Дворѣ, я бываю у обѣдни чаще, чѣмъ прежде, такъ какъ теперь мнѣ это очень удобно благодаря близости дворцовой церкви. Не знаю, на какомъ основаніи Вы ждете графа Толстого, такъ его отрядъ и не думаетъ возвращаться, говорятъ даже, что вся армія Бенигсена пойдетъ въ Данію, гдѣ изъ-за Норвегіи происходятъ какія-то недоразумѣнія. Не думаю, чтобы Толстой вернулся, но ничего объ этомъ не говорите его женѣ, такъ какъ я сама въ этомъ не увѣрена и, можетъ быть, это ложные слухи.

Прощайте, будьте здоровы, жду Вашего перваго письма, гдѣ Вы, вѣроятно, напишете мнѣ о графѣ Марковѣ больше, чѣмъ написали г-жѣ де Нуазевиль, которая прочла мнѣ Ваше письмо, гдѣ Вы описываете затрудненіе бѣднаго графа, когда очутившись среди двадцати старухъ, ему пришлось выбирать себѣ комнату.

Кристинь.

Москва, 22 Іюня 1814 г.

Ваше письмо отъ 11 Іюня доказываетъ, что Вы въ такомъ настроеніи, отъ котораго страдаешь сильнѣе, чѣмъ отъ физической боли. Я знаю это состояніе и умѣю ему сочувствовать. Тутъ нечего дѣлать, какъ только стараться отвлечься. Это болѣзнь людей пресыщенныхъ и особенно избалованныхъ состояніемъ и успѣхомъ, а также тѣхъ, которые видятъ нравственную невозможность достиженія своихъ желаній, когда желанія эти достигаютъ извѣстной силы. Прежде я страдалъ именно отъ этого. Меня излѣчилъ возрастъ, отнявъ силу желаній.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, мои желанія были такъ же сильны, какъ лучи горячаго солнца, теперь же они напоминаютъ мягкій и пѣжный лунный свѣтъ, немного меланхолическій, но который никогда не ранитъ. Вотъ что выигрываешь, стараясь, и что составляетъ счастливое возмѣщеніе за все потерянное. Сердце остается нѣжнымъ и отзывчивымъ, умъ становится гибкимъ и сдержаннымъ, и въ результатѣ любишь себя меньше, а другихъ больше и чувствуешь больше возможности больше заниматься другими. Я напрасно пишу Вамъ о Вашемъ послѣднемъ письмѣ. Когда Вы получите это, Вы можетъ быть уже забудете о томъ, которое мнѣ писали и о томъ, что его вызвало, такъ какъ иногда, минута, мгновеніе, слово, мѣняютъ настроеніе и какъ по волшебству разжигаютъ сердце.

Отъ графа Маркова я еще не имѣю никакихъ извѣстій. Васильчиковъ, пріѣхавшій сюда съ договоромъ о мирѣ, говорилъ моимъ друзьямъ, что встрѣтилъ его въ Орлѣ вполне здоровымъ, откуда я заключаю, что теперь уже онъ, вѣроятно, проѣхалъ Кіевъ. Я не видѣлъ Васильчикова, съ которымъ я знакомъ, но мнѣ бы очень хотѣлось послушать его рассказы о Парижѣ, откуда онъ уѣхалъ послѣ Государя. Итакъ, послѣ Вѣнскаго конгресса, насъ выпроводили за нашъ миръ, и наши финансовыя надежды рушились. Очень странно, что въ договорѣ, подписанномъ въ Парижѣ, Россія обозначена такъ же, какъ Мекленбургъ или какое нибудь другое маленькое княжество, то-есть ни ея имя, ни имя Государя не упоминается ни разу, и при Вѣнскомъ дворѣ она просто подразумѣвается подъ названіемъ союзника. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы договоръ былъ заключенъ между Французскимъ Королемъ, Русскимъ Императоромъ и его союзниками, а не между Императоромъ Австрійскимъ и его союзниками, какъ это сдѣлано. Такъ какъ

въ дѣйствительности Россія играла первую роль и должна была стать въ первомъ ряду,—это она увлекла Австрію—и я удивляюсь, какъ она согласилась быть поставленной за ней такъ скромно. Или я ничего въ дѣлахъ не понимаю, или же совѣтчики Государя сдѣлали промахъ. Я понимаю, что молодыя головы могли сдѣлать такую оплошность, но Разумовскій съ своимъ надменнымъ характеромъ удивляетъ меня такой забывчивостью. За послѣдніе 10 лѣтъ мы постоянно забываемъ въ нашихъ договорахъ значеніе этикета и ранга. И дай Богъ, чтобы забыли только это въ несчастномъ Тильзитскомъ мирѣ, за который мы только что расплатились такъ дорого. Кто повѣритъ, читая заключенный въ Парижѣ 18 Мая договоръ, что два мѣсяца тому назадъ русская армія вступила туда побѣдительною? Между тѣмъ всенародныя дѣйствія создаютъ въ исторіи славу государей и націй, и если бы я имѣлъ честь быть Министромъ Государя, я никогда бы не согласился на то, чтобы Парижскій миръ былъ подписанъ безъ вмѣшательства уполномоченнаго русскаго министра, который бы взялъ верхъ надъ австрійцемъ. Это не помѣшало бы отложить обсужденіе нѣкоторыхъ вопросовъ до Вѣнскаго конгресса, но покрайней мѣрѣ, публика, которая отъ одного конца Европы до другого рветъ другъ у друга Парижскій договоръ о мирѣ, не имѣла бы основанія спрашивать, куда же дѣвались русскіе? Что думаетъ объ этомъ князь Юсуповъ? Прошу Васъ, если Вамъ придется быть съ нимъ подъ одной крышей, напомнить ему обо мнѣ. Почему онъ не служить? У него зрѣлая голова, онъ любитъ свою страну и былъ бы ей полезенъ.

Но современная система выставляетъ впередъ молодежь, вотъ почему происходитъ столько оплошностей, и князь Юсуповъ показался бы слишкомъ серьезнымъ нашимъ молодымъ людямъ. На дняхъ одинъ изъ этихъ вліятельныхъ господъ говорилъ, что мужчина послѣ 40 лѣтъ годенъ лишь для отставки. Въ другихъ же странахъ для отвѣтственныхъ ролей выбираютъ людей именно въ этомъ возрастѣ. Поэтому мы часто видимъ, что дѣла у нашихъ сосѣдей идутъ лучше, чѣмъ у насъ.

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ, 18 Іюня 1814 г.

Въ Понедѣльникъ вечеромъ я водворилась въ своей настоящей резиденціи. Помѣщеніе, которое я имѣю въ этомъ году, гораздо пріятнѣе и лучше прошлогодняго. У меня три предестныхъ комнаты, изъ которыхъ одна моя спальня, другая кабинетъ, весь отдѣланный кисеей, и

третья ванна съ диванами вокругъ; свѣтъ въ нее падаетъ сверху и дѣлаетъ ее пріятнѣе еще потому, что тамъ можно купаться, когда захочется. Остальное въ домѣ соотвѣтствуетъ тому, что я Вамъ пишу про свое помѣщеніе и вообще эту дачу нельзя сравнить съ прошлогодней.

Я очень довольна быть на воздухѣ, особенно же по вечерамъ. Свѣжесть, которой я дышу, освѣжаетъ мои мысли, часто развѣиваетъ грусть, и я успокаиваюсь и чувствую себя довольной. По сосѣдству съ нами живутъ г-жа Гурьева и графиня Строганова, и такимъ образомъ у меня подъ руками всѣ мои знакомые, но я не прочь оставаться почаше одной, съ своими книгами, такъ какъ мое отвращеніе къ свѣту растеть съ каждымъ днемъ. Ахъ, если бы я могла жить такъ, какъ мнѣ вздумается! Но нѣтъ, приходится говорить, быть любезной, ѣздить, принимать, и пока я буду связана со Дворомъ, это будетъ такъ продолжаться, и я буду жить для другихъ больше, чѣмъ для себя.

Вчера, Императрица-мать устроила для Великаго Князя Константина въ Павловскѣ чудный праздникъ. Говорятъ, что все было прелестно устроено: сначала былъ спектакль, потомъ балетъ въ разныхъ уголкахъ сада; въ одномъ устроенномъ изъ розъ павильонѣ танцовали, въ другомъ былъ приставленъ ужинъ, всюду устроены триумфальныя арки, цифры; дамы были въ очень нарядныхъ туалетахъ, мужчины всѣ во фракахъ, чтобы чувствовать себя свободнѣе, хозяйка была замѣчательно пріятлива, что всѣхъ располагало къ веселью, такъ что впечатлѣніе получалось прелестное. Разказала мнѣ все это княгиня Юсупова, которая была тамъ, я же ѣхать отказалась. Дѣлать платьѣ, причесываться, особенно же ѣхать 25 вереть по 25 градусной жарѣ, мнѣ показалось слишкомъ тяжелымъ. Въместо этого я провела все утро одна въ своемъ кабинетѣ, а обѣдала съ m-elle Гурьевой у княгини Гагариной, молодой женщины, которую мы очень любимъ. Послѣ обѣда мы сдѣлали большую прогулку, и я провела вечеръ со старой графиней Салтыковой, матерью г-жи Гурьевой, которая была совершенно одна, такъ какъ вся семья была на праздникѣ. Я никогда не избѣгала общества старыхъ женщинъ, если только они не были сварливы и угрюмы, у этой же отличный нравъ. Мы говорили о томъ, что дѣлалось 50 лѣтъ тому назадъ, и я ни минуты не скучала. Итакъ, вотъ какъ я провела этотъ день, а если бы поѣхать въ Павловскъ, то на вѣрное устала бы до смерти.

Я видѣла Федора Голицына, что мнѣ доставило большое удовольствіе, онъ сталъ толще, чѣмъ когда-либо. Я содрогнулась увидя его,

но не нашла въ себѣ достаточно силы сказать ему, что онъ еще по-толстѣлъ. Онъ такъ толстъ, что будь я его женой, я ни минуты не имѣла бы покоя, зная, что онъ можетъ умереть тогда, когда ожидаешь этого всего меньше. Мнѣ кажется, что съ человѣкомъ такихъ размѣровъ никогда нельзя рассчитывать на долгую жизнь, но что я, навѣрное, могу сказать это то, что ни мой мужъ, ни любовникъ не будутъ на него походить. Но, Боже мой, что за глупости я Вамъ говорю.

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ, 21 Іюня 1814 г.

Если бы я знала графа Маркова десять лѣтъ тому назадъ и ему было бы столько лѣтъ, сколько и теперь, а мнѣ десятью годами меньше, увѣрю Васъ, что если бы ему пришло въ голову на мнѣ жениться, я согласилась бы съ величайшимъ удовольствіемъ и, конечно, не только съ цѣлью получить его имя, пользоваться его положеніемъ и состояніемъ и только. Ничего подобнаго! Съ моими взглядами, я увѣрена, что очень любила бы его, оставалась бы всегда вѣрной ему и сдѣлала бы его счастливымъ. Я никогда не была ни кокеткой, ни легкомысленной, молодые люди мнѣ не нравились; я стремилась къ успѣху, и мнѣ хотѣлось, чтобы меня находили милой, но не вѣтренные и пустые молодые люди, — мнѣ нужны были люди имѣющіе извѣстность, вѣсь и значеніе. Вы знаете, что у насъ мало выдающихся въ этомъ отношеніи молодыхъ людей, вотъ почему я всегда устраивалась такъ, чтобы быть съ людьми зрѣлаго возраста, ихъ похвалы мнѣ льстили больше и поднимали мое тщеславіе и я говорила себѣ: „эти знаютъ больше шалопаевъ, они должны быть лучшими судьями и, вѣроятно, любя мое общество, не смотря на мои юные годы, они находятъ во мнѣ какія-нибудь заслуги“. Итакъ, если бы съ тѣми взглядами, которые я тогда имѣла, я вышла бы замужъ за г-на Маркова, мнѣ казалось бы, что я имѣю рядомъ съ собой Алкивиада и любила бы его, а внушенные мнѣ нравственные принципы оградили бы меня въ будущемъ отъ всякихъ безумій“. Теперь уже все это кончилось для меня, я не хочу больше ни выходить замужъ, ни нравиться, ни быть любимой. Когда это встрѣчается, не знаю почему, но мнѣ хочется оторваться отъ всего, ничего не любить въ этомъ мірѣ и жить лишь пассивно.

Вотъ что, сказать по совѣсти, я нахожу въ глубинѣ своего сердца. Можетъ быть, я ошибаюсь, и все это только временное настроеніе. Дай Богъ, чтобы это было такъ! Чтобы вернуться къ разговору о

Марковѣ, скажу Вамъ, что онъ всегда очень располагалъ меня къ себѣ, что я очень недовольна тѣмъ, что его больше не вижу и что очень рада переписываться съ нимъ, тѣмъ болѣе, что это даетъ мнѣ возможность время отъ времени наставлять его на путь истинный. Ему необходимо читать нотаціи, во-первыхъ, за тѣ слова, что Вы приводите въ Вашемъ письмѣ: „та и другая—слабость“. Это такъ мало правдиво, такъ какъ одно (благочестіе) является истинной силой, такъ какъ если въ него искренно вѣрятъ, то какую даетъ оно намъ силу. По моему г-нъ Вольтеръ сказалъ лишь глупость, и я не понимаю, почему философія послѣ его смерти сдѣлала его героемъ. Итакъ, я буду покорять Вашего старика письмами, такъ какъ разговоръ еще не удался. Увидимъ, что изъ этого выйдетъ.

Писала ли Вамъ г-жа де Нуазевиль о назначеніи Раццо di Borgo русскимъ министромъ въ Парижѣ? Эти свѣдѣнія официальные, и все посольство уже назначено, исключая Boutiaquine, такъ только иностранцы. Мнѣ хотѣлось бы знать мнѣніе г-жи Толстой объ этомъ новомъ порядкѣ вещей? Прежде она не любила Поццо, потому это было наоборотъ, она часто видѣлась съ нимъ въ Вѣнѣ и находила его очень любезнымъ, особенно же умнымъ. Консерваторъ познакомитъ Васъ съ засѣданіемъ законодательнаго корпуса; рѣчь короля мнѣ очень нравится, а также то, что онъ перечисляетъ сдѣланное имъ отъ девятнадцатаго года своего царствованія. Нѣкоторые нашли его смѣшнымъ, я же, наоборотъ, очень разсудительнымъ. Вообще, пока все, что дѣлалось этимъ вполне разумно.

Пока прошу вѣрить, что дѣвица Марія Луиза ѣдетъ посѣтить островъ Эльбу, откуда она вернется въ свои владѣнія Парижъ и Тизансъ. Признаюсь, что въ этомъ визитѣ на Эльбу я ничего не понимаю, и если Вы понимаете это лучше меня, то, пожалуйста, объясните мнѣ.

Кристинь.

Москва, 2 Іюля 1814 г.

Не будете ли Вы такъ добры, передать потихоньку этотъ пакетъ г-жѣ Гурьевой, предложивъ ей переслать его сыну въ Дрезденъ и не говоря о моемъ участіи, такъ какъ она создана для того, чтобы все портить, о чемъ меня уже предупредили. Это письмо г-жи Толстой къ ея мужу, настоящаго мѣстопробыванія котораго она пока не знаетъ; она умоляетъ меня передать его Гурьеву черезъ почту или Петербургъ. Я нахожу, что послѣдній путь вѣрнѣе, а конвертъ, написанный матерью,

вѣрнѣе всего остального. Итакъ Вы смѣло можете говорить отъ имени г-жи Толстой, что я нашелъ умѣстнымъ приложить къ ея посланію и просьбѣ похвалы г-ну Гурьеву по поводу его военныхъ успѣховъ. Я безконечно уважаю образованность этого молодого человѣка, его принципы и твердость, и считаю его способнымъ служить своему краю, и отличиться на болѣе полезномъ поприщѣ, чѣмъ армія. Если же, противъ моихъ ожиданій, это порученіе потерпитъ неудачу, то Вы перемѣните адресъ и напишите его такъ, какъ это нужно для почты, и будьте добры отправить его со всѣми предосторожностями.

Я въ восторгѣ, что Вы начнете переписываться съ графомъ Марковымъ, и даже надѣялся получить вчера Ваше первое письмо, но можетъ быть, Вы ихъ посылаете прямо и это, конечно, будетъ скорѣе. Ахъ какъ я хотѣлъ бы, чтобы онъ зналъ Васъ 10 лѣтъ тому назадъ, вернувшись изъ Парижа и отдавъ ту справедливость, въ которой никто не можетъ Вамъ отказать, онъ устроилъ бы свое счастье и счастье своей дочери. Судьба этого ребенка была бы совершенно другой, а Вы, которой я интересуюсь также нѣжно и горячо, какъ дочерью Маркова, Вы были бы счастливы съ этимъ милымъ и добрымъ въ жизни человѣкомъ и счастливѣе, чѣмъ съ какимъ-нибудь болѣе молодымъ и болѣе красивымъ человѣкомъ. Вы не правы, говоря, что теперь не думаете ни о бракѣ, ни о томъ, чтобы нравиться. Во первыхъ, часто нравятся тогда, когда наименѣе объ этомъ думаютъ, такъ естественность цѣнится больше искусства. Что же касается до плановъ о бракѣ, то очень разумно ихъ не дѣлать, рѣшать же рѣшительно противъ весьма не кстати.

Въ этомъ нужно положиться на обстоятельства, и Провидѣніе, которое лучше насъ знаетъ, что нужно намъ для нашего конечнаго блага. Бракъ и безбрачіе имѣютъ свои преимущества и минусы, но нѣжному и любящему сердцу жить въ одиночествѣ труднѣе, хотя, если Вы это нѣжное сердце соедините съ сердцемъ, не умѣющимъ отзываться на нѣжность, тогда мученія его стануть тысячу разъ тяжелѣе.

Вы хотите проповѣдывать графу Маркову, но я боюсь, чтобы не смотря на Вашъ умъ и краснорѣчіе Вашъ голосъ не остался бы „масомъ вопіющимъ въ пустыни“. Впрочемъ, если есть какая-нибудь надежда произвести впечатлѣніе, то предупреждаю Васъ, что это будетъ возможно только при ловкихъ приемахъ, какъ бы нечаянно бросая умно и весело среди свѣтскихъ бесѣдъ нѣкоторыя истины. Предъ Вами широкое поле для изощренія Вашихъ способностей, и слава успѣха должна быть

пропорціональна трудностямъ. Я привезъ съ собой изъ Парижской тюрьмы трактатъ о христіанскихъ истинахъ, составленный однимъ заключеннымъ, какъ я священникомъ (маркизомъ de la Roussière) для его дѣтей, которые благодаря его заключенію остались заброшенными. Я никогда не читалъ ничего болѣе умилительнаго, трогательнаго и убѣдительнаго. Я точно списалъ его отъ начала до конца, рѣшивъ слѣдовать тѣмъ правиламъ, которыя авторъ предписывалъ своимъ дѣтямъ, т. е. читать разъ въ годъ этотъ трактатъ.

Однажды въ деревнѣ, мнѣ пришлось въ разговорѣ привести эту рукопись и повѣдать ее графу Маркову. Послѣ того, что я ему сказалъ, онъ очень внимательно ее прочелъ, но на слѣдующій день вернулъ мнѣ ее со словами способными заледенить самое горячее сердце: *„Возьмите, мой дорогой, вотъ Ваша книга, это самая скучная капуцинида, которую я когда-либо читалъ въ своей жизни“*. Я не могъ бы быть хорошимъ миссіонеромъ, такъ какъ этотъ отвѣтъ убилъ во мнѣ всякую надежду на успѣхъ, и я уже съ нимъ не говорилъ.

Во время грабежа Москвы, я потерялъ эту рукопись со всѣми своими книгами и бумагами.

Я такъ же, какъ и Вы, въ восторгѣ отъ рѣчи короля и всего его поведенія. Я твердо увѣренъ, что не долженъ и не могу судить о томъ, что меня еще немногo огорчаетъ, а именно о присутствіи тамъ Талейрана, но на это должны быть серьезныя причины, которыя намъ объяснить время. Что же касается до 19 лѣтъ его царствованія, то эта логика здѣсь весьма умѣстна: такъ какъ, если бы считалъ иначе, то какъ будто бы признавалъ законность революціи и правленія директоріи, консульства и императорское, что не можетъ и не должно быть. Къ тому же онъ имѣлъ бы видъ избраннаго короля, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ онъ царствуетъ по своему законному праву со смерти Людовика XVII, хотя обстоятельства и мѣшали ему примѣнять свою власть. Но это не ново: Карлъ II, вернувшись на Англійскій тронъ, въ 1660 году отмѣчалъ всѣ свои дѣйствія съ VI года своего царствованія, считая себя королемъ со дня смерти своего отца, и не признавая управленія Кромвеля, несмотря на то, что тогда, какъ теперь во Франціи, пришлось оставить нѣсколько законовъ, и учрежденій созданныхъ протекторомъ.

Я завидую Вашему прелестному помѣщенію, Вашей ваннѣ и свѣжести деревни: мы здѣсь задыхаемся, но это долго не продлится.

